

К юбилею профессора Н.Е. Ананьевой

Н.Н. Старикова (Москва, Россия)

Сонет и эпос как образцы современной словенской поэзии

Пишущий стихи пишет их не «о» и не «что», даже не «во имя». Он пишет их по внутренней необходимости, из-за некоего вербального гула внутри, который одновременно и психологический, и философический, и нравственный, и самоотрицающий.

И. Бродский

Аннотация: В статье на примере творчества выдающихся поэтов Милана Есиха и Бориса А. Новака рассматриваются актуальные тенденции и художественные явления современного словенского стихосложения. Оба автора сохраняют верность традиционным жанровым типам и формам классической поэтической парадигмы – сонету и эпосу. Сонет является визитной карточкой Есиха (сборники «Сонеты», 1989, и «Сонеты вторые», 1993); с эпосом с недавнего времени ассоциируется творчество Новака (трилогия «Врата безвозвратности: эпос», 2015–2017). Словенских поэтов отличает не только приверженность каноническим образцам мировой литературы, но и новаторское отношение к ним, стремление к их трансформации и обновлению, а также активное продвижение такого подхода.

Ключевые слова: современная словенская поэзия, сонет, эпос, новаторский подход

N.N. Starikova (Moscow, Russia)

Sonnet and Epic Poems as Forms of Contemporary Slovenian Poetry

Absrtact: In the article on the example of the works by outstanding poets Milan Jesih and Boris A. Novak, are considered the current trends and artistic phenomena of contemporary Slovenian versification. Both authors remain faithful to the traditional genre types and forms of the classical poetic paradigm are the sonnet and the epic poems. The sonnet is Jesih's calling card (the collections "Soneti", 1989, and "Soneti drugi", 1993); Novak's work has recently been associated with the epic (the trilogy "Vrata nepovrata: epos", 2015–2017). Slovenian poets are distinguished not only by their adherence to the canonical examples of world literature, but also by their innovative attitude towards them, the desire for their transformation and renewal, as well as the active promotion of this approach.

Key words: contemporary Slovenian poetry, sonnet, epic poems, innovative approach

Словенское национальное самосознание было сформировано в условиях инокультурного влияния, в постоянной борьбе за язык, школу, книгу. Это привело к тому, что поэтическое слово получило у словенцев особую модальность, на протяжении XIX–XX вв. складывался стереотип восприятия их как «нации поэтов». До сих пор поэзия служит своего рода барометром культурного самочувствия и умонастроений определенных слоев словенского общества. Однако, несмотря на все «измы» (от футуризма до о’харизма¹), которые словенские стихотворцы отважно штурмовали в XX в., для некоторых из них классические образцы мировой поэтической парадигмы все еще являются эстетическими ориентирами. Об этом свидетельствует уникальный опыт двух «атлантов» современной словенской поэзии, единомышленников в творчестве и друзей в жизни, Милана Есиха и Бориса А. Новака. Сонет стал визитной карточкой первого, с эпосом с недавнего времени ассоциируется творчество второго. Причем оба поэта не просто обращаются к этим каноническим формам, но новаторски их преобразуют и активно пропагандируют такой подход. Родившиеся в начале 1950-х гг. (Есих в 1951 г., Новак в 1953 г.), они принадлежат к тому поколению, которое оказалось в самом эпицентре вольнодумия и бунтарства югославской молодежи, взрослевшей на рубеже «вольных шестидесятых» и «свинцовых семидесятых». Анализируя поэтическую обстановку в Словении в этот период, важно обратить внимание на три принципиальных для сценария ее дальнейшего развития подробности: во-первых, именно в это время была восстановлена прерванная на заре социалистического строительства связь с национальной поэтической традицией первой половины XX в., давшей Словении своих выдающихся поэтов-авангардистов. Во-вторых, именно в годы «оттепели» творческая интеллигенция начала активно обмениваться опытом с коллегами из западных стран, и, наконец, в-третьих, впервые после войны было достигнуто равноправное сосуществование разных идейных, семантических и художественных принципов и созданы предпосылки для развития эстетического плюрализма, равных условий для представителей разных литературных направлений, концепций и художественных взглядов.

Милан Есих

Среди многочисленных поэтических изданий М. Есиха есть два «культовых» сборника: «Сонеты» (1989) и «Вторые сонеты» (1993), – отвечающих «литературоведческим критериям постмодернизма»² и определивших «качественный переход национального стихосложения от традиции к современности»³. Это первое за всю историю словенского сонета столь значительное по объему его воплощение: восемьдесят восемь стихотворений составили первый, сто шесть – второй сборник.

Сонет – один из жанров, создавших словенскую поэзию и – шире – литературу; в Словении эту аристократическую форму изящной словесности Возрождения на волне европейского романтизма по достоинству оценил и приспособил к специфическому строю родного языка поэт-романтик Ф. Прешерн. Он

¹ Термин восходит к имени американского поэта, принадлежавшего к нью-йоркской поэтической школе, Фрэнка О’Хара (1926–1966).

² Кос М. Литература 1990-х годов. Поэзия // Словенская литература XX века. М., 2014. С. 275.

³ Bandelj D. Skrivnost subjekta // Jesih Milan. Zbrane zbirke. Ljubljana, 2012. S. 816.

создал основополагающий канонический образец национального сонета, который до сих пор не могут совершенно игнорировать даже те дерзкие смельчаки, кто пытается от него отступить. В XIX–XXI вв. к сонету обращались избранные: Й. Стритар, Д. Кетте, А. Градник, Ф. Балантич, Б. Водушек, Ц. Злобец, Я. Менарт, В. Тауфер, Н. Графенауэр, А. Дебеляк, К. Кович, М. Комель, М. Деклева, и каждый пытался наполнить традиционную форму индивидуальным содержанием.

Успех сонетных сборников Есиха связан с удачным апгрейдом сонетной формы: поэт приблизил поэтику, в которой «звучание значит, а значение звучит»¹, к современному читателю, демократизировал строгую форму, предназначенную для возвышенных тем, введя в нее разные пласты языка, мелодии и ритмы повседневности, фрагменты личных воспоминаний и переживаний. Для этого ритм пятистопного ямба и эфонические правила рифмовки были им модернизированы, приспособлены к современному произношению. Тяготая к акустической рифмовке, Есих широко использует «неправильные» разговорные окончания слов, приближая классическую форму к живой речи, в традиционные мотивы сонетной лирики – одиночества, смерти, любви, неудовлетворенности собой и миром – привносит двусмысленность, парадоксальность, эксцентрику. Ирония по отношению ко всему индивидуальному и абсолютному и авторская самоирония – важнейшие компоненты его поэтики:

Теплом с юго-востока повеваает;
даль в маслянисто-сизой дымке тонет,
и благодать ко сну меня склоняет:
«Приляг, ни тучки нет на небосклоне!

А если какнет птичка – не плюясь
слизни, причмокни и еще поспи.
Я знаю, что тебе по вкусу грязь –
какой ты только гадости не пил!»

Но отвечаю я, соблазн отринув:
«Ты, Благодать, стараешься впустую:
возлечь с тобой – ну что за доблесть в том?

Мне подавай Суровую годину,
Глухую Ночь, минуту Роковую
иль Смертную – уж если доживем!»²

Оба сборника в силу своей двуадресности: обращенности как к высокоинтеллектуальной публике, так и к массовой аудитории – пережили невиданный читательский успех. Эффект был достигнут, главным образом, благодаря разноразмерной, гибридной организации текстов, в которых рядом с «высоким» литературным языком на паритетных началах сосуществуют «низкие» разговорные обертоны, вульгаризмы, жаргон и просторечие. Поэт играет со всем арсеналом художественных средств и ритмических структур, со всем богатством национальной и мировой поэтической традиции, парафразирует и пародирует стиль, язык, ритмику, сюжеты, темы национальных и мировых классиков. Фирменным знаком, «фишкой» Есиха является, по наблюдениям И. Новак-Попов, часто присутствующий в последнем терцете смысловый акцент с элементами парадокса или афоризма, неожиданной реплики или оригинального оксюморона, «приземляющий серьезную интонацию предыдущих строф»³, благодаря чему происходит переход от высокого пафосного к тривиальному бытовому.

¹ *Novak Boris. A. Salto immortale. Študije o prevajanju poezije. Prva knjiga. Ljubljana, 2011. S. 52.*

² *Есих М. Стихи / Пер. Ж.В. Перковская. Ljubljana, 2009. С. 71.*

³ *Novak Popov I. Sprehodi po slovenski poeziji. Maribor 2003. S. 511.*

Весь день проездив, к вечеру домой
добрался я усталый: всю дорогу
казалось мне – отец сидит со мной...
Он, как живой, меня за локоть трогал,
болтал и ждал моих ответных слов,
шутил смеялся, я ж в ответ – ни слова,
смотрел вперед, серьезен и суров,
кичась блестящим ситроеном новым.

Смеркается. Галдят шальные птицы,
сдуваемые ветром на зимовье.
Есть у меня в заначке сливовица –
пусть я один не пью, но долг сыновний
мне за тебя, отец, велит испить
хоть чарку – и немедля повторить!¹

Культурная память – важная составляющая поэтики Есиха, но не менее принципиальны для него личные впечатления, представления и фантазии, благодаря которым и создается то удивительное ощущение одновременно кайроса и хроноса – чудесной драгоценности каждого мгновения на фоне неумолимой вечности, которая «пролетает мимо», воплощенное, как пишет Борис А. Новак, в «вечном сейчас поэтического языка»²:

Вечереет. На вершинах горных
печально догорает медь заката,
подобно окровавленной короне.
Она и он – вкушаем, как когда-то
под шелест зеленеющих ветвей
любовь – десерт без времени и места.
Он – я – сажусь поближе – к Ней –
глядим глаза в глаза, без слов, без жеста...

Есть в этом сласть, и боль, и шарм – все вместе,
и ветер, отдохнув, спешит скорей
сквозь сад, и влажным шлейфом нам по лицам
проводит ненароком, и ресницы
смежив на миг, все упускаем мы;
вокруг – ночная власть великой тьмы³.

Полет духа сочетается у Есиха с обаянием материального, спонтанная раскованность с творческой волей, юмор и ирония с эмоциональной глубиной. Его поэтические опусы обретают свое неповторимое звучание благодаря тому, что авторская фантазия взаимодействует с национальным и мировым литературным контекстом, что его «лира», подчеркивает Б. Патерну, «открыта для завоеваний прошлого, для родной поэтической традиции в ее лучших классических образцах... и эта внутренняя связь, обогащенная современным опытом, дает толчок к рождению новой художественной субстанции»⁴. Когда-то Ю. Тынянов заметил об Александре Блоке: «... почти всегда за его поэзией невольно подставляют человеческое лицо – и все по-

¹ Есих М. Стихи. С. 51.

² Новак Борис А. Портрет Милана Есиха, или Если бы Пьер Безухов писал сонеты... // Есих М. Стихи / Пер. Ж.В. Перковская. Ljubljana, 2009. С. 109.

³ Есих М. Стихи. С. 27.

⁴ Paternu B. Jesih v klasiki: Od ekspresionizma do postmoderne. Ljubljana, 1999. S. 204.

любили лицо, а не искусство»¹. Отраженное в сонетах «лицо» Милана Есиха жизнерадостно и витально, меланхолично и (само)иронично, в нем ощущается и дух времени, и универсальность мирового поэтического сознания.

Всестороннее знание эволюции стихосложения и антропологии стиха позволило Борису А. Новаку создать первую в истории словенской литературы поэтическую эпопею «Врата безвозвратности: эпос» (2015–2017), включающую три тома: «Атласы ностальгии», «Время отцов» и «Обиталища душ», – общим объемом более 40 тысяч стихов. Связующим звеном повествовательной структуры всех книг является мотив странствия, который реализуется на трех уровнях: времени, места и памяти. Текст представляет собой мозаичное соединение фрагментов микросюжетов, усложненное темпоральными перебивками. Это филигранно выстроенное сооружение реконструирует реальные эпизоды жизни поэта, членов его семьи, страны, даже Европы в контексте минувшей и еще дрящущей эпохи. Следуя за Н.А. Бердяевым, полагавшим, что память представляет собой не просто пассивное воспроизведение прошлого, но что это род творческой «духовной активности, направленной не только на понимание прошлого, но и на его преображение»², поэт реконструирует и верифицирует прошлое, воплощая его в поэтических образах.

Борис А. Новак

Представленный событийный ряд связан с функционированием воспоминаний: лирический герой Новака путешествует по лабиринтам как ульшанного, так и лично пережитого – и «из груды осколков» рождается «великая неслыханная история»³, создается портрет Времени. Поэт трактует эпос значительно шире устоявшихся канонических представлений о нем, в частности бахтинских: из трех конститутивных черт, сформулированных М.М. Бахтиным (предмет изображения – национальное

эпическое «абсолютное» прошлое; источник – национальное предание, а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел; наличие дистанции, отделяющей эпический мир от современности), в чистом виде не сохраняется ни одной. Неизменной для Новака остается лишь «авторская установка... человека, говорящего о недостижимом для него прошлом, благоговейная установка потомка»⁴.

Первый том открывает «Обращение» – своеобразное введение, в котором нарратор определяет свою эпическую задачу: подобно Гомеру, отречься от субъективной формы легализации авторского сознания в пользу «я» объективного летописца: «Быть хронистом – значит забыть о своем малом “я”, // покориться Великой Полиархии Истории»⁵. За ним следуют разделы «Атлас покинутых мест» и «Музей кочевых средств передвижения», в которых автор раскрывает тайные смыслы и символику тех уголков земли, общественных мест и предметов повседневности, которые

¹ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 76.

² Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 17.

³ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. Novo mesto, 2015. S. 54. Здесь и далее, если переводчик не указан в тексте статьи, перевод сделан Н.Н. Стариковой.

⁴ Бахтин М.М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Эпос и роман. СПб., 2000. С. 197–199.

⁵ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos: Zemljevidi domotožja. S. 51.

в разные периоды времени оставили в его сознании значимый след, сыграли роль в его личностном и творческом формировании. В первой песне действие переносится в Австралию, континент «без прошлого», «пэтчворк всех красок, зеркало ветров»¹, где лирический герой встречается с душами ушедших: Данте, отцом, прадедом – и где окончательно принимает решение «начать свое сказание»². «Дорожную карту» второй части можно отчасти назвать топографической, песни в ней представляют как отдельные места на карте мира (реки, озера, моря, острова, горы, города, деревни, улицы, здания и т. д.), так и жизненные пространства (дома, кухни, спальни, детские, танцплощадки, редакции, театральные сцены, казармы, тюрьмы, больницы, могилы и т. д.), где автор имел счастье или несчастье побывать.

Есть города, несущие заряд энергии, который ощущаешь,
когда читаешь маленькие буквы их названий на
карте мира. Я в их плену навечно.

<...>

Париж, Мадрид, Валенсия, Толедо, Компостела, Барселона,
Венеция, Болонья, Рим, Триест, Флоренция, Феррара,
Кёльн, Аахен, Мюнхен, Дрезден, Франкфурт и Берлин,
Москва и Петербург, Стокгольм и Копенгаген,
Гент и Брюссель, Антверпен, Амстердам, Варшава,
Краков...³

Вторая книга – «Время отцов» – обращена непосредственно к семейной истории. В название всех разделов и песней вынесено слово «Время»: «Время поэтов», «Время матерей», «Время детей», «Время дедов» и т. д. Эта часть трилогии – своеобразный Реквием по ушедшим близким, который начинается с песни «Время Данте, время Анте», где лирический герой мысленно беседует с двумя главными наставниками своей жизни: своим отцом, героем-партизаном Анте Новаком и автором «Божественной комедии» Данте Алигьери. Сюжетную канву второй книги «держит» тема Второй мировой войны, которая объединяет многочисленные личные истории персонажей в одну семейную и общечеловеческую трагедию. События 1941–1945 гг. разделили словенское общество, Новак рассказывает о том, как это происходило в его семье. Как молодой *белогардист* Лойзе влюбился в красавицу Аницу, будущую мать поэта? и предупредил ее, сестру партизана, о готовящемся аресте. Как дядя поэта Рудольф, кадровый военный, оказался в 1941 г. в Загребе, был мобилизован в армию НГХ, отправлен на восточный фронт, сдался вместе с полком под Сталинградом и сгинул где-то в Сибири. Как 31 октября 1941 г. бабушке поэта Леопольдине офицер мариборского гестапо принес зеленую консервную банку с пеплом ее сына-подпольщика Лео и вручил со словами: «Мы, немцы, люди чести. // Я дал слово, что верну вам сына, – вот возвращаю!»⁴

Отдавая себе отчет в том, что последствия раскола общества во время фашистской оккупации и национально-освободительной борьбы распространяются и на потомков «красных» и «белых», что это одна из самых трагических страниц в словенской истории XX в., поэт с одинаковым сочувствием говорит о жертвах с обеих сторон, ибо «мертвые сраму не имут». И, уважая память всех погибших в те страшные годы, он готов предать земле останки всех до сих пор не погребенных: «Если б я смог, сумел совершить чудо, // всех бы похоронил под солнечными лучами»⁵.

¹ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. S. 13.

² Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. S. 25.

³ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. S. 142.

⁴ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Čas očetov. Novo mesto, 2015. S. 453.

⁵ Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Čas očetov. S. 679.

Заключительный том трилогии «Обиталища душ» отличается от первых двух не только объемом, но и ярко выраженным философским дискурсом; стереоскопическое осмысление Прошлого с помощью индивидуального опыта множества персонажей, по мысли автора, – главный способ поэтизации Истории. Метафорой этого процесса служит плавание на Корабле, на котором лирический герой совершает путешествие вглубь своей и коллективной памяти, чтобы увековечить Время и Образы («души») ушедших, создать с помощью поэтического слова символический «грандиозный кенотаф». Попадая в «Подпалубье», лирический герой совершает погружение в «архив мира», посещает Музей тикающих часов всех диктатур, Музей неосужденных монархов. Панораму этого экскурса открывают герои древних мифов, а завершают современные беженцы, Троянская война здесь плавно перетекает во Вторую мировую, а затем и в конфликт на Балканах. Одним из действующих лиц третьей книги выступает сама *Ars poetica* – мировая поэтическая традиция, представленная именами тех, кто оказал и продолжает оказывать влияние на автора. Помимо «недостигаемого» Данте, это «учителя» – С. Малларме, П. Верлен, А. Рембо, Ф.Прешерн, Ч. Милош, «старшие братья» – Д. Зайц, Т. Шаламун, «ровесники» – Ю. Детела, М. Есих, А. Дебеляк. Завершают эту часть четыре оды: каракулям, косноязычию, терпению и «мастерству» – остроумный, ироничный и самоироничный рецепт от мании величия для всех тех, кто, как и автор, имеет в анамнезе болезнь рифм. В диалог с ушедшими естественно вплетается голос самой Поэзии, творчество трактуется как главное прибежище души поэта – этого Одиссея современности. Итакой для него был и остается пастернаковский «образ мира, в слове явленный», создание которого всегда обусловлено нравственным выбором. Об этом песнь «От/решения»:

1

Любое решение
есть отрешение:
больно.

2

Между землей и небом
выбери горизонт.
Между лесом и полем
выбери перелесье.
Между проселком и домом
выбери дом, и проселок,
и сад.
И сад.

3

Между луной и солнцем
выбери месяц:
только он, и больше никто
раз в четыре недели
наведывается
в край – крашек – своего
детства.

<...>

6

Ежели ты философ,
меж буквой и духом выбери дух:
истинность духа букву направит.
Ежели ты поэт,
меж буквой и духом выбери букву:
правильность буквы направит к истине дух.
Ежели ты священник,
меж буквой и духом выбери сердце.

7

Из двух друзей выбирай
того, кто немногословнее.
Из двух соперников выбери более сильного:
слабый соперник опасен –
в бою он способен на всё.

<...>

Из двух зверушек
выбери ту, что не выживет без тебя.

Из двух детей
выбирай обоих.

Из неравных двух зол
не выбирай ни единого.

Между чаяньем и отчаяньем
выбери чайанье –
его тяжелей нести¹.

(пер. Ж. Перковской)

Одним из способов преодоления жестокой данности существования является для автора эпоса необходимость действовать, совершать поступки, не случайно одна из тетрадей имеет название «Душа – это глагол». На формальном уровне это находит выражение в энергичной, «действенной» ритмической организации текста: поэт прибегает к широкому регистру версификации, использует чередование различных по этимологии и частоте употребления стиховых единиц и метрики. Классический ямбический одиннадцатисложник претерпел в эпосе существенные трансформации, строгие рифмы часто заменяются ассонансами, формы сонета, венка сонетов, мадригала, виланеллы заметно адаптированы, верлибризованы, автор использует хайку, приемы визуальной поэзии (игра с размером и шрифтом буквы, слова, словосочетания, с графическим и геометрическим расположением строк на странице). В наиболее драматических эпизодах справа от основного стихотворного ряда располагаются дополнительные строки, которые своим значением и звучанием оттеняют его содержание: авторский голос, откликаясь на изображаемое, заостряет конфликт эпического и лирического.

Борис А. Новак в своем *Opus magnum*, безусловно, следует главному художественному принципу традиционного эпоса, направленному на поэтизацию действительности в ее героическом (исторические потрясения) и романтическом (проза жизни) выражении. В целом ему удается сохранить баланс, характерный для эпической поэзии, всегда стремившейся синтезировать эти два начала, чтобы создать целостное представление об изображаемом. «Врата безвозвратности» от-

¹ *Novak Boris A. Vrata nepovrata: epos. Bivališča duš. Novo mesto. S. 981, 984*

ражают ряд тенденций, характерных для развития стихосложения XXI в., среди которых тяготение к гетероморфности стиха с ее комбинацией разных размеров и рифм, соединением силлабо-тоники и верлибра, прозаизация поэтического языка, обращение к опыту национального авангарда и его методу визуализации и графической семантики текста, использование принципа калейдоскопичности как инструмента поэтической оптики.

Путь, который выбрали для себя поэты Милан Есих и Борис А. Новак, основан, с одной стороны, на знании классики и канона и уважении к ним, ко всем этим «оковам» рифмы, ритма, аллитерации, с другой – базируется на обновлении классического «дантовского» нарратива. Их творческий диалог с мировой и национальной поэтической традицией ведет к обогащению поэтического сознания, к продолжению поэзии «культурно-созидательной» (О. Мандельштам¹), релевантной ожиданиям читателей XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Bandelj D.* Skrivnost subjekta // Jesih M. Zbrane zbirke. Ljubljana, 2012. S. 800–826.
- Novak Boris A.* Salto immortale. Študije o prevajanju poezije. Prva knjiga. Ljubljana, 2011. 307 s.
- Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. Novo mesto, 2015, 475 s.
- Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Čas očetov. Novo mesto, 2015. 723 s.
- Novak Boris A.* Vrata nepovrata: epos. Bivališča duš. Novo mesto, 2017. 1111 s.
- Novak Popov I.* Sprehodi po slovenski poeziji. Maribor, 2003. 548 s.
- Paternu B.* Jesih v klasiki // Od ekspresionizma do postmoderne. Ljubljana, 1999. S. 204–216.
- Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Эпос и роман. СПб., 2000. С. 194–232.
- Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1990, 176 с.
- Есих М.* Стихи / Пер. Ж.В. Перковская. Ljubljana, 2009. 116 с.
- Кос М.* Литература 1990-х годов. Поэзия // Словенская литература XX века. М., 2014. С. 271–282.
- Мандельштам О.Э.* О поэзии // Мандельштам О.Э. Слово и культура. М., 1987. С. 37–106.
- Новак Борис А.* Портрет Милана Есиха, или Если бы Пьер Безухов писал сонеты... // Есих М. Стихи / Пер. Ж.В. Перковская. Ljubljana, 2009. С. 101–110.
- Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 322 с.

REFERENCES

- Bandelj D.* Skrivnost subjekta. V: Jesih M. Zbrane zbirke. Ljubljana. 2012, pp. 800–826.
- Bakhtin M.M.* Epic and Novel (About the methodology of the novel study). In: Epic and Novel. St. Petersburg. 2000, pp. 194–232.
- Berdyayev N.A.* (1990) The Meaning of History. Moscow. 176 p.
- Jesih M.* (2009) Poems / Transl. by Zh.V. Perkovskaya. Ljubljana. 116 p.
- Kos M.* Literature of the 1990s. Poetry. In: Slovenian Literature of the 20th Century. Moscow. 2014, pp. 271–282.

¹ *Мандельштам О.Э.* О поэзии // Мандельштам О.Э. Слово и культура. М., 1987. С. 41.

Mandelstam O.E. About Poetry. In: Mandelstam O.E. Word and Culture. Moscow. 1987, pp. 37–106.

Novak Boris A. Portrait of Milan Jesih, or if Pierre Bezukhov wrote sonnets... In: Jesih M. Poems / Transl. by Zh.V. Perkovskaya. Ljubljana. 2009, pp. 101–110.

Novak Boris A. (2011) Salto immortale. Študije o prevajanju poezije. Prva knjiga. Ljubljana. 307 s.

Novak Boris A. (2015) Vrata nepovrata: epos. Zemljevidi domotožja. Novo mesto. 475 s.

Novak Boris A. (2015) Vrata nepovrata: epos. Čas očetov. Novo mesto. 723 s.

Novak Boris A. (2017) Vrata nepovrata: epos. Bivališča duš. Novo mesto. 1111 s.

Novak Popov I. (2003) Sprehodi po slovenski poeziji. Maribor. 548 s.

Paternu B. Jesih v klasiki. W: Od ekspresionizma do postmoderne. Ljubljana. 1999, ss. 204–216.

Tynyanov Yu.N. (1977) Poetics. History of Literature. Cinema. Moscow. 322 p.

Сведения об авторе:

Надежда Николаевна Старикова,
доктор филол. наук
зав. отделом современных литератур
Центральной и Юго-Восточной Европы

Институт славяноведения РАН

Nadezhda N. Starikova,
Doctor of Philology
Head of the Department for Contemporary
Literatures of Central
and South-Eastern Europe

Institute of Slavic Studies, RAS

nstarikova@mail.ru